

«УТВЕРЖДАЮ»

Директор Федерального государственного  
бюджетного учреждения науки  
Института русского языка имени В. В. Виноградова  
Российской академии наук  
д. ф. н., проф.,



степенкорреспондент РАН Ф. Б. Успенский

Ф. Б. Успенский

12 сентября 2022 г.

## ОТЗЫВ

**ВЕДУЩЕЙ ОРГАНИЗАЦИИ – Федерального государственного бюджетного  
учреждения науки Института русского языка имени В. В. Виноградова  
Российской академии наук - о диссертации Марии Александровны ЕГОРОВОЙ  
«Семантика и дискурсивные функции аориста и плюсквамперфекта в современном  
сербскохорватском языке», представленной на соискание ученой степени кандидата  
филологических наук по специальности 10.02.19 – Теория языка**

Рецензируемая работа посвящена кругу употреблений двух элементов видо-временной системы современного сербскохорватского<sup>1</sup> языка – аориста и плюсквамперфекта. Эти формы унаследованы от праславянского языкового состояния, причем плюсквамперфект выступает также в более новой, так называемой сверхсложной форме.

В поле зрения диссидентки находится как исторический контекст развития аориста и плюсквамперфекта, так и, особенно, типологический контекст употребления аналогичных форм видо-временной системы. Специфика анализируемых форм – это огромная роль, с одной стороны, pragматических элементов, субъективно приближающих события к действительному центру, а, с другой стороны, элементов дискурсивных, заставляющих интерпретировать обсуждаемые формы в контексте более широкой ситуации, длинной последовательности предложений или даже большого текста (повести, романа) в целом.

<sup>1</sup> Вслед за диссиденткой мы используем в отзыве именно такую форму. При обсуждении соответствующего названия языка словообразовательный вариант *сербохорватский* – как кажется, несколько более употребительный в русскоязычной традиции, – в работе не упомянут.

Кроме того, употребление этих форм факультативно: аорист всегда, а плюсквамперфект практически всегда может быть заменен на перфект, являющейся немаркированной формой прошедшего в сербскохорватском. Обе эти особенности указанных форм, разумеются, не исключают исследования суждений носителей путем элицитации, но настоятельно диктуют корпусное исследование – и именно оно проведено исследовательницей.

Для поставленной диссидентанткой задачи необходимы: владение соответствующей литературой в области сербохорватистики, владение понятийным аппаратом типологии семантики аориста и плюсквамперфекта, с одной стороны, и выражения соответствующих групп значений, например, адмиративности или фокуса, а также дискурсивных употреблений глагольных форм, с другой стороны; знание привлекаемых для типологического сравнения фактов иных языков; ориентирование в истории видовременных форм в славянских языках; знание широкого контекста используемых форм в анализируемых текстах, вплоть, если это надо, до идейной системы большого художественного произведения.

Всем эти требованиям диссидентантка, на взгляд рецензента и ведущей организации, отвечает и наглядно демонстрирует это в работе. Не удается найти никаких недочетов в используемой библиографии о сербскохорватской глагольной системе или о типологии релевантных видо-временных форм. При анализе текста исследовательница не боится даже обращения к собственно литературоведческой проблематике (ср. например, с. 87), впрочем, не злоупотребляя ею. Это прежде всего качественное лингвистическое исследование.

Работа состоит из четырех глав, причем на один уровень с двумя главами, посвященными двум исследуемым формам, поставлены главы об общих понятиях и о сербскохорватском языке в целом. Такое композиционное решение кажется оправданным. Учитывая уникальный социолингвистический и политический статус стандартных (пост)сербскохорватских языков, имеющих общую диалектную основу – и совершенно «перпендикулярное» политическим границам диалектное членение соответствующих территорий – данный идиом заслуживает, как, может быть, в никакой другой теме, монографического обсуждения, отражающего наиболее актуальные работы. Что касается самой первой главы, посвященной общим понятиям – это отличная презентация темы. М. А. Егорова с первых строк предоставляет читателю сжатый «путеводитель» по своей работе, сразу же вводя условные обозначения, символы для глосс (кстати, отглоссированная работа о славянском языке – не частое и похвальное в отечественной лингвистике явление), а также ключевые примеры, позволяющие понять, о чем пойдет речь.

Как уже сказано, для семантики исследованных форм особенно важна прагматическая составляющая, приближающая адресата высказывания к ситуации. Удачным кажется термин «epistemic immediacy» из работы [Stanojević, Geld 2011]. М. А. Егорова убедительно показывает такой механизм, как прагматические различия, позволяющие дополнительно дифференцировать грамматические синонимы. Интересны также результаты, позволяющие поставить под сомнение универсальность ранее выявленных принципов грамматической эволюции граммем разного происхождения (gram types, в терминологии Б. Пальюки и затем Дж. Байби). Действительно, значения, характерные для перфекта – прагматическая актуальность, миративность, – в балканских славянских языках выражаются как раз аористом, причем, как показывает диссертантка, скорее всего это еще праславянский механизм (с. 63-64); развитие этих значений у перфекта не привело к их исчезновению у аориста и затем, после дальнейшей грамматикализации перфекта, обе формы эту семантическую зону поделили. Но, конечно же, этот сложный вопрос заслуживает отдельного исследования.

На с. 69 отмечается (со ссылкой на наблюдение Н. Р. Сумбатовой): “Было замечено, что... в аористе стоит не глагол, обозначающий само неожиданное событие, а матричный глагол со значением восприятия или интеллектуальной деятельности. Матричный глагол как бы предвосхищает наступление неожиданного события, подготавливая к нему адресанта.” Заметим, что схожим образом устроено поведение, например, русской частицы *было*, нередко маркирующей не саму прерванную ситуацию, а предшествующую ей более широкую «макроситуацию» (в терминологии Ю. П. Князева). Вероятно, для грамматических форм, с семантикой, апеллирующими к прагматической или эпистемической сфере, характерно употребление, напоминающее функционирование дискурсивных маркеров – в начале более широких дискурсивных блоков.

Среди типологических данных, привлекаемых исследовательницей, особенно интересны параллели из древних индоарийских языков. Видно, что М. А. Егорова – не только балканист, но и индолог, с любовью и интересом относящийся к этому материалу. В ряде случаев такие сопоставления делаются впервые и представляют собой большой вклад в изучение языкового разнообразия. (В ряде случаев, конечно, ограничиваться этим материалом не стоит. Например, из изложения на с. 46 может показаться, будто эвиденциальный перфект – куда более экзотическая вещь, чем это обстоит на самом деле и, конечно, хорошо известно диссертантке).

Работа М. А. Егоровой прекрасно демонстрирует необходимость построения сербского корпуса (до сих пор для пользователя, к сожалению, доступны только хорватские), в частности, параллельных корпусов с участием сербскохорватского/пост-

сербскохорватских языков. Исследовательница фактически разработала свою собственную корпусную выборку и эффективно ее использовала. В ряде случаев используются существующие русские переводы сербскохорватских текстов (и наоборот). Развитие этой базы до полноценного двуязычного корпуса могло бы эффективно решить целый ряд задач, связанных с лексической и грамматической семантикой и внутригенетической типологией славянских языков.

Работа написана хорошим языком, ее отличают четкие формулировки. Особенно ценна предельно ясная классификация используемых групп значений, pragmaticальных и дискурсивных функций.

Перечислим наши замечания к работе, не умаляющие ее большой ценности:

В ряде случаев термины аспектологии (в том числе «расширенный перфект» по Плунгяну и др.) нуждаются в более развернутом комментарии – для не-типологической, славистической целевой аудитории.

М. А. Егорова оправданно дает *полную* парадигму сербскохорватского глагола, причем не только в прошедшем времени: действительно, проинтерпретированы эти формы могут быть только в контексте системы. Замечания по поводу альтернативных форм будущего II украсила бы ссылка на работы Я. А. Пеньковой о славянском предбудущем.

Определение аориста довольно далеко углубляется в проблематику индоевропеистики; возможно, не все соответствующие вопросы релевантны для целей диссертации (ведь в славянских языках оппозиция «аорист vs. имперфект» собрана заново из разного морфологического материала, как указывает и сама исследовательница).

Цитата (2), вероятно, из дневника самого Толстого, цитируемого Басинским. Цитата (55) – из «Алисы в стране чудес» в переводах на разные языки, это необходимо указать. Примеры из сербскохорватских художественных произведений имеет смысл датировать (особенно в контексте архаизирующей функции выбора глагольного времени).

Комментарий А. А. Зализняка к предполагавшейся словоформе *rъцъ* (т. е. *rече*) из берестяной грамоты 496, цитируемой по первому изданию (Зализняк 1995), устарел. Уже в 10-м томе «Новгородских грамот на бересте» (2000) А. А. Гиппиус предложил новую надежную версию. Близкая аналогия в найденной между двумя изданиями «Древненовгородского диалекта» берестяной грамоте № 755 подсказывает словоупотребление первой фразы грамоты 496 как *никоев(о) за мною rъцъни* «за мной не осталось никаких речей» (= «я должен сказать только вот что») – это не что иное, как начальная формула показаний типа «Клянусь говорить всю правду и ничего, кроме правды». Таким образом,

словоформы аориста тут нет. Соответственно, это толкование принято во втором издании цитируемой в диссертации монографии (Зализняк 2004).

Термин «антериорность» (с. 59), восходящий к Дж. Байби, не очень удачен. Разумеется, устоявшееся в «перфектологии» выражение «current relevance» тоже несколько расплывчено (может быть, лучше «прагматическая актуальность»), но «антериорность» этимологически означает предшествование и отсылает скорее к таксису, чем к перфекту как таковому.

Очень интересно обсуждение плюсквамперфекта в контексте *еще не* (с. 103-104). Отметим, что эта функция, типологически весьма устойчивая для плюсквамперфекта, в том числе в славянских языках, специально обсуждается в Сичинава 2013; В. А. Плунгян назвал ее, вне связи с плюсквамперфектом, «кунктативом». Есть языки, где существуют отдельные грамматикализованные «not-yet»-формы.

Приведем параллель к использованию «приближающего» презенса в английском переводе Песни о Роланде (с. 80-81) – главку «Отъезды. Отлеты. Исчезновения» в «Поэтическом хозяйстве Пушкина» В. Ф. Ходасевича. Здесь автор говорит о стиле Пушкина: «изображения отъездов, отлетов, исчезновений, бегств и т.п. у него необычайно живы. Большею частью это достигается сочетанием двух приемов: 1) изменением времени при изображении предотъездного, так сказать, момента и самого момента отъезда, и 2) вставкою прямой речи между этими моментами...». В связи с примером из «Сказки о мертвом царевне» Ходасевич замечает: «Здесь ход времен в сказуемых: прошедшее - прошедшее - прошедшее - настоящее - прошедшее (прямая речь) - настоящее (прямая речь) - прошедшее - настоящее. Шесть последних сказуемых даны каждый раз с переменой времени: прошедшего на настоящее и обратно». Отметим также аналогичное использование имперфекта в романских языках, особенно французском.

Сказанное позволяет заключить, что диссертация М. А. Егоровой «Семантика и дискурсивные функции аориста и плюсквамперфекта в современном сербскохорватском языке» полностью соответствует требованиям, предъявляемым к кандидатским диссертациям в соответствии с пунктами 9-14 «Положения о присуждении ученых степеней» от 24 сентября 2013 г. № 842 (ред. от 11.09.2021), а М. А. Егорова заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.19 – Теория языка.

Отзыв составлен старшим научным сотрудником Отдела корпусной лингвистики и лингвистической поэтики кандидатом филологических наук Дмитрием Владимировичем

Сичинавой и обсужден на заседании Отдела, протокол № 3 от 6 сентября 2022 г. Результаты голосования – решение принято единогласно.

Заместитель заведующего отделом  
корпусной лингвистики и лингвистической поэтики,  
кандидат филологических наук

А. В. Гик

Дмитрий Владимирович Сичинава, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Отдела корпусной лингвистики и лингвистической поэтики Института русского языка имени В. В. Виноградова РАН; домашний адрес: 105077, Москва, Измайловский бульвар, д. 67, к. 1, кв. 61;  
mitrius@gmail.com; тел. +7(916)642-18-34

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт русского языка имени В. В. Виноградова Российской академии наук; адрес организации: 119019, Москва, Волхонка 18/2; официальный сайт: <http://ruslang.ru>;  
ruslang@ruslang.ru; тел.: +7 (495) 695-26-60

